

благодаря обычнымъ сочетаніямъ въ мысли извѣстнаго ряда представлений въ опредѣленномъ кругу жизни. Метонимія, напр., „стоять въ головахъ“ въ отличіе отъ синекдохи „столько-то головъ скота“ вносятъ въ значеніе X (стоять близко) новое качество, новый признакъ—пространственное отношеніе, которое не дано въ понятіи „голова“.

III. Ассоціація между A и X—еще болѣе отдаленная. Случай образца „подошва горы“. Разница между сравниваемыми понятіями (подошва обуви и нижняя часть горы) на первый взглядъ полная: оба понятія не совпадаютъ ни въ одномъ признакъ, они исключаютъ другъ друга. Но „подошва обуви“ (A) такъ относится къ „стоящему обутому человѣку“ (B), какъ „подножіе горы“ (искомое, требующее названія—X) относится ко всей „горѣ“ (B). Это можно изобразить формулой: $A : B = X : B$. Сходство между „подошвой обуви“ (A) и „подножіемъ горы“ (X) заключено въ томъ, что отношеніе подножія (X) къ „горѣ“ (B) сходно съ отношеніемъ, „подошвы“ (A) и стоящаго въ обуви человѣка (B). По такому же типу мы говоримъ о *рукавѣ* рѣки, о *капризахъ* зимы, объ *улыбкѣ* ясной природы, объ *утрѣ* года: цѣлый день такъ относится къ утру, какъ цѣлый годъ относится къ *чему?*

Этотъ видъ ассоціаціи называютъ ассоціаціей по сходству, по аналогіи.

Если изобразить всѣ три случая графически, то *синекдоха* можетъ быть представлена въ видѣ двухъ вписанныхъ другъ въ друга круговъ; *метонимія*—въ видѣ пересѣкающихся круговъ, а *метафора*—въ видѣ двухъ круговъ, не соприкасающихся другъ съ другомъ. Другими словами, если разсматривать эти три случая въ послѣдовательномъ порядкѣ, то мы увидимъ, что степень близости, связи между A (образомъ) и X (значеніемъ) все болѣе и болѣе уменьшается по направленію къ третьему случаю. Но по мѣрѣ уменьшенія связи, увеличивается промежутокъ времени, нужный для того, чтобы дойти отъ образа (A) до значенія (X), и это послѣднее, т. е. значеніе, добывается все труднѣе и труднѣе.

Дѣленіе видовъ поэтической иносказательности въ отдѣльныхъ словахъ и въ сложныхъ произведеніяхъ по способу перехода отъ A къ X есть сильное отвлеченіе. Въ дѣйствительности отдѣльные случаи не такъ просты, чтобы ихъ можно было легко подвести къ первой, второй или третьей категоріи. Въ конкретныхъ случаяхъ, въ особенности въ сложныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, могутъ совмѣщаться всѣ три вида троповъ въ зависимости отъ направленія мысли, даваемого контекстомъ рѣчи. Такъ, въ стихотвореніи Лермонтова „Парусъ“ мы имѣемъ несомнѣнную синекдоху „блѣтъ *парусъ* одинокій“ (часть вм. цѣлаго), но при дальнѣйшемъ движеніи мысль можетъ перейти на метонимію (*парусъ* одинокій—одинокій *пловецъ*), а все стихотвореніе въ цѣломъ настраиваетъ мысль понимать метафорически этотъ „одинокій парусъ“ среди бушующаго моря житейскаго. Метафора въ концѣ концовъ покрываетъ метонимію, которой предшествуетъ синекдоха. Метафорическое пониманіе всего стихотворенія „Парусъ“ переходитъ легко въ сложную синекдоху—*pars pro toto*, когда все стихотвореніе представляется мысли, какъ изображеніе единичнаго случая, вызывающаго безконечный рядъ подобныхъ моментовъ, положеній, настроеній. Такимъ образомъ, различіе между синекдохой, метониміей и метафорой не есть различіе неизмѣнное, разъ навсегда данное, но нѣчто движущееся. Внесши такое замѣчаніе, мы, не уничтожая границъ между намѣченными тремя видами иносказательности, распатаемъ ихъ, отчего задача изученія значительно усложнится; такъ какъ надо имѣть дѣло съ явленіемъ движущимся,

обыкновенно разумѣютъ прилагательное въ сочетаніи съ существительнымъ; но такой взглядъ не совсѣмъ правиленъ: такъ какъ категорія прилагательнаго не первообразна и предполагаетъ возникновеніе его изъ существительнаго („конь вороной“ изъ „конь воронь“), то всякое атрибутивное существительное должно быть тоже отнесено къ разряду эпитетовъ: сердце кремень, бой-баба, мальчикъ огонь, сынъ первенецъ и пр.

Съ точки зрѣнія, болѣе общей, чѣмъ грамматическое согласованіе, соблюдаемое въ парныхъ атрибутивныхъ сочетаніяхъ опредѣляемаго и опредѣленія, мы можемъ усмотрѣть наличность эпитета во всякомъ парномъ сочетаніи словъ, обозначающихъ вещи, качество, дѣйствія ихъ, признаки дѣйствія. Такимъ образомъ сюда, къ эпитетамъ, прійдется отнести, кромѣ такихъ сочетаній, какъ трава *мурава*, мальчикъ *сирота*, дѣло *дрянь*, и сочетаніе двухъ прилагательныхъ „ясна-красна“, „тихий скромный“, сочетанія двухъ глаголовъ: „не покорился—не поклонился“, „изстрадался-измаялся“, двухъ нарѣчій „ужасно много“, „довольно глупо“, „вчернѣ наскоро“. Если выраженіе „парныя сочетанія“ понимать въ томъ смыслѣ, что можно дѣлить на двѣ части не только сочетаніе опредѣляемаго съ опредѣленіемъ, но и цѣлыя выраженія, въ которыхъ наблюдается *совклученіе* (т. е. синекдоха), то рядомъ съ приложеніями образца: „учитель, наставникъ жизни“, — „со мною мечъ, моя защита“ или „Евгеній, отступникъ бурныхъ наслажденій“—слѣдуетъ поставить обороты, родственные по схемѣ: а) „вошелъ поэтъ, съ кудрями черными до плечъ“, „домъ, съ мезониномъ въ три окошка“, — „мужикъ, съ засученными рукавами“; б) „въ полдень, въ самую жару“, — „у калитки, въ тѣни ракиты“, — „восторженно, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ“ и т. п. А далѣе мѣсто этихъ оборотовъ могутъ занять цѣлыя предложенія или цѣлое сочетаніе приложеній, образующихъ, какъ мы уже указывали, перифразъ, описаніе: жаль мнѣ труда, *молчаливаго спутника ночи, друга авроры златой, друга пенатовъ святыхъ*; — „А вы, красавицы *ночныя, которыхъ поздною порой уносятъ дрожки легковыя по петербургской мостовой*“... „Ты знаешь край, *гдѣ* все обильемъ дышетъ, *гдѣ* рѣки льются чище серебра, *гдѣ* вѣтерокъ степной ковыль колышетъ, въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора, среди садовъ деревья гнутся долу, и до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый, шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ, и чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ, косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ, вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ, и къ облакамъ, клубяся надъ водою, бѣжитъ дымокъ синѣющей струею“? Вся первая часть стихотворенія Лермонтова—„Когда волнуется желтѣющая нива“ представляетъ такой же примѣръ сложнаго перифраза къ слову *тогда* (смирятся души моей тревога).

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія не грамматической, а стилистической, всякое сложное описаніе, имѣющее цѣлью наполнить живымъ содержаніемъ простое обозначеніе характера лица, обстановки его жизни, мѣста или времени, можетъ быть разсматриваемо, какъ усложненіе элементарной фигуры эпитета, причемъ и здѣсь, какъ и въ настоящихъ эпитетахъ „голубое небо“, „вороной конь“, предполагающихъ метафору, т. е. сравненіе двухъ разнородныхъ понятій (голубь—небо), въ конечномъ результатѣ мы будемъ имѣть синекдоху.

Возвращаясь къ эпитету, въ грамматическомъ смыслѣ этого слова, образца „*печальныя поля*“, нельзя не замѣтить, что унаслѣдованное отъ древнихъ дѣленіе эпитетовъ на необходимые и украшающіе можно удер-